

Карелия Талли

Отара

Карелия Талли

Отара

«Автор»

2026

Талли К.

Отара / К. Талли — «Автор», 2026

Девять студентов-этнологов под руководством профессора Торвальда Дале приезжают в отдалённую норвежскую деревню, чтобы сделать записи о быту и культуре исчезающей общины язычников. Местные, живущие в скандинавской глуши за тенью гор и хвойным лесом, оказываются гостеприимны. Они радушно принимают гостей, кормят их и селят в своих домах, но нутром Анника всё равно чувствует что-то неладное. Жители деревни Олдефьорд, благовейно чтущие память недавно умершего старосты, не внушают ей никакого доверия. Прежде, чем все замеченные ей странности становятся слишком очевидными, один из студентов пропадает.

© Талли К., 2026

© Автор, 2026

Карелия Талли

Отара

Глава 1

Белый свет ровно расстился по лесу, и, им ослеплённая, Анника ступила ногой мимо камня. Её кроссовок соскользнул и провалился в реку, зачерпнув холодной воды.

— Осторожнее! — сложив руки рупором у рта, крикнул Торвальд. Он стоял на земле, нервно перешагивал, хмурился. Ветер сносил его голос в сторону запада, и ничего нельзя было разобрать. Ещё и река брыкалась и шумела, как животное, перебивала всё вокруг своим рёвом.

Анника шумно вдохнула от накатившего изнутри холода, замахала руками, удерживая равновесие. Она вынула ногу из воды и снова поставила её на влажный камень. Идущая впереди Хельга придержала её за локоть и произнесла что-то встревоженное и неразборчивое через шум воды.

— Боже мой! — Торвальд Далё опустил руки, затем снова поднял, как будто не знал, куда их деть от злости, — Я же говорил, чтоб шли аккуратнее! Под ноги, под ноги смотри!

Хельга шла впереди цепочки студентов, и прыгнула на землю первой, приняв руку помощи профессора. Тяжёлая коса доставала ей до поясницы, а у лба и на висках выбивались тёмные завитки. Крепкая и высокая, она выглядела сильнее многих парней в группе. Торвальд рядом с ней казался тощим подростком. Анника прыгнула следом за Хельгой, своей мокрой ладонью сжав чужую, сухую и тёплую. Шатаясь, она сделала несколько шагов вперёд и придержалась за ствол карликовой берёзы, чтобы снять кроссовок и вытряхнуть с него всю воду. Мелкие иголки холода уже успели впитаться в стопу - она теперь была ватная и ярко-красная.

Торвальд ещё несколько секунд поругался на неё, размахивая руками и повторяя то «боже», то какое-то матерное слово, но быстро отвлёкся на других студентов. Всего их было девять, и всем нужно было помочь. Только Гарет демонстративно проигнорировал руку профессора и спустился сам.

К тому времени Анника выжала носок, надела кроссовок и, обернувшись, пригляделась к реке. Вода оббегала круглые камни и пенилась между ними, как слюна бешеного животного. Над ней мелькали точки мошек и капли серебристых рыбёшек, отражающие полуденное солнце ярко-белого цвета. Всё жило и плескалось, но им-то, людям, здесь никто не был рад. Никто не рад! Аннике захотелось с горькостью детской обиды повторить это вслух. Если бы она упала, река мотнула бы её сначала вправо, потом влево, ударила бы о камень и раскроила бы череп.

Мельком она увидела, как студенты и декан факультета этнологии пошли вперёд. Она заспешила за ними, на ходу поправляя лямку сумки и с удивлением отмечая, как легко идёт Торвальд Далё - будто ему не сорок восемь и в рюкзаке он несёт не кипу вещей, а пух.

— Не отстаём, не отстаём! Ша-гом, быстр-р-ро!

Торвальд Далё был уже седым и морщинистым, особенно у глаз и бровей, но вёл себя по-молодому бодро. Он всегда громко говорил, любил тянуть букву «р» и повторять одни и те же слова, просил обращаться к нему только по имени и на «ты», а на уроках часто спорил с студентами и кричал на них, краснея лицом и шеей. Черные волосы Торвальда поседелели, но почему-то только на затылке, глаза были синими, кожа медной и красноватой на носу. Старше тридцати, если упускать из внимания седину, он точно не выглядел, потому что всегда был на ногах, громкий и бодрый, и не мог позволить себе даже слишком унылого вздоха, чтобы не показаться стариком.

— Оглохнуть можно...

Анника обернулась на голос, и увидела, что с нарочно замедлившей шаг Уной они теперь идут плечом к плечу. Глаза у Уны были раскосые и хитрые, губы тонкие и сложенные в улыбку. У неё это выражение лица никогда не менялось, приклеилось к ней с самого рождения. Анника засопела, отвернулась и пошла быстрее. Четыре пальца коснулись её плеча, сжались, немного погодя.

— Отвали, пожалуйста, — она повела плечом, но рука Уны осталась на прежнем месте, — Отпусти моё плечо.

— Всё время дуешься из-за какой-то ерунды.

Уна скривилась, потом выражение досады с её лица невероятно быстро перетекло в повседневную улыбку, а пальцы исчезли с плеча. Анника взгляделась в ныряющих между кустов и деревьев однокурсников, выискивая среди них «ерунду», о которой говорила Уна, и через пару секунд нашла её в лице рыжеволосой Бьёрн.

— Если хочешь, я могу извиниться перед Бьёрн.

— Не надо перед ней извиняться, - с каким-то страхом и злостью в ответ хлестнула Анника.

Пятно солнца вылезло из листвы и светом разлилось по человеческим лицам. Анника прислонила ладонь к глазам и раздвинула пальцы, чтобы через щель между ними смотреть, как вьются грязно-рыжие волосы Бьёрн и неуклюже ходят её кривые ноги.

Лес норвежской земли сначала казался им непроходимым, но спустя несколько километров заметно поредел. Были здесь тонкие тёмные деревья, округлые камни, вымытые дождём, и крупные валуны, съеденные мхом и лишайником. Белые крылья птиц, хлопающие перьями, движение насекомых в земле и над землёй, уши пугливого зайца, журчащий говор рек. Ещё был свет, не переставая бивший между веток и камней. От него у Анники болели глаза, и она мечтала о том, чтобы поскорее погас последний луч и на небо взошла круглая луна. Но до ночи тянулись длинные часы, до ночи ещё нужно было дойти, дотянуться подбитой мухой.

Впереди реки исчезающий лес сменился полем влажной травы, которая под весом человеческой ноги сначала сгибалась, а потом пружинисто выпрямлялась, отбрасывая капли росы. Целый час они шли по ровной скучной земле, прежде у горизонта показался домик, издали похожий на спичечный коробок.

— Смотрите, — Хельга пальцем указала на дом, — Уже близко, да, профессор?

— Ещё немного, и будем в Ольдефьорде, — бодрим голосом отозвался Торвальд Дале и почему-то присвистнул.

Группа студентов расшевелилась, приободрённая тем, что идти осталось недолго. Анника выставила перед собой ладонь, и дом размером в её полмизинца начал расти на глазах. Когда он стал длиннее пальца, она опустила руку.

***

В Ольдефьорде был деревенский дом, в котором из печи вился лисий хвост белого дыма. Там их усадили за прямоугольный стол, и хлопочущая хозяйка, не замолкая ни на минуту, доставала для гостей чугунную посуду и глиняные тарелки. От неё пахло также, как и от еды, то есть солёно и дымно. Анника видела, как от масла блестят укрытые зеленью куски мяса и овощей, паром исходит вареный картофель и трудятся чужие руки, все в веснушках и родимых пятнах.

Торвальд, громкий и открытый ко всем незнакомым, уже шутил и переговаривался с хозяйкой. Сквозь смех он уговаривал её присесть и расслабиться, размахивал руками так, что чуть не задел чью-то кружку, повторял слова несколько раз по своей старой привычке. Болтливые люди быстро находят между собой язык. Они сцепляются языками, намертво приклеенные, вот и Торвальд с полной, весёлой владелицей дома тоже сцепился, и теперь весь тесный дом гудел от их говора, а деревенские дети заглядывали в дверной проём и с любопытством подслушивали.

— Это, наверное, её стихия! — воскликнул Торвальд, когда женщина в очередной раз отказалась перестать над ними хлопотать озабоченной птенцами птицей и присоединиться к столу.

Кто-то засмеялся, потом зашевелились головы и руки, сжимающие вилки, по тарелкам начали скрежетать железные зубцы. Анника отодвинула кусок картошки в сторону, всматриваясь в налипшие семена тмина. Торвальд сказал, чтобы она перестала быть привередой.

— Чьё это мясо? — спросил светловолосый Сван в квадратных очках.

— Это свинина, — женщина грузно опустилась на край деревянной кровати с овчиной вместо матраса, отряхнула руки, но не расслаблялась полностью, как будто в любую секунду была готова вскочить со своего места и снова захлопотать над чем-то, — Хороший хряк был.

— Хряк? — непонимающе повторил Сван.

— Самец свиньи, Сван, — пояснил профессор и беззлобно добавил, — Городская ты крыса.

— С начала весны откармливали. Картофель, брюкву ел, — улыбаясь, продолжала хозяйка, — Его мясо куда лучше, чем фермерское. Там на убой растят, а мы в тепле и ласке. Гладили, лелеяли его. Это важно, чтобы мясо было добрым.

— Добрым — значит, вкусным? — снова поинтересовался пытливый Сван, никак не унимаясь. Очки его покрылись испариной, а он всё равно их не снимал, тыча вилкой мимо куска тушёного картофеля уже четвёртый раз.

— Вкусным и здоровым.

Хозяйка говорила что-то ещё про свиней, овец, коров, откорм и их мясо, мясо с прожилками и костями, жирное и «доброе», но Анника уже не вслушивалась в её болтовню и только мяла вилкой еду в своей тарелке. Отец её работал на заводе, где перерабатывали мясо. После его рассказов о химикатах и всяких мерзостях она думала, что мало чему будет кривиться, но сейчас брезгливость вдруг натекла по стенкам горла и захотелось ею подавиться. На дне тарелки лоснился бульон, в нём она видела отражения подвешенных за ноги свиней, с которых сдирали кожу, потом дробили и прокручивали в каком-то огромном блендере.

— ... характер был! У него, у хряка-то. Мордой тыкался, гладится просил, совсем ручной, как собака...

— Анника, всё хорошо?

Брови профессора сдвинулись, ладонями он оперелся о стол, нагнулся немного вперёд. Анника кивнула ему, потом что-то кислое вдруг подкатило к горлу, до самого нёба, и она закашлялась, зажимая рот рукой. В помутневшем зрении расплзлись и смазались глаза Бьёрн, которая глупо уставилась на неё и выронила из рук вилку.

— Боже мой! — женщина прервала рассказ и вскочила с кровати, под её грузным телом доски скрипнули и что-то глубоко в полу щёлкнуло, — Подавилась?

Слева сидевшая Хельга пару раз похлопала её ладонью по спине, с озабоченным выражением заглянула в лицо. Анника стала красной, потом, откашлявшись с минуту или больше, снова нормальной.

— Просто кость попалась, — она неловко оправдалась после того, как смогла свободно задыхать и выпрямиться.

Хозяйка затихнула и села обратно.

— Не может быть, я его тщательно разделывала, — тучная женщина в замешательстве и обиде надула губы.

Аника неловко поправила сбившийся набок воротник. Ей подумалось, что лучше уж давиться молча и насмерть, чем привлекать к себе такое внимание. Разговор теперь замолк, только под столом в поисках вилки шумно копошилась Бьёрн, похожая на жука. Маленькие лапки ковыряют землю и ищут молодой побег, хлопают крылья под прочным панцирем копны рыжих волос.

— Профессор Далё, а план по сбору материала какой-нибудь на завтра у нас есть? — как комара, прихлопнула тишину Йоханна, за что Анника была ей очень благодарна, — Работаем по опросникам или сначала фиксируем быт Ольдефьордцев?

— Разобьётесь по группам и пройдёте по всем семьям. Спросите их про быт и прочее, что-нибудь запишите, — с опозданием ответил Торвальд. Он отвернулся от Анники, потёр красный нос указательным и большим пальцем, — Не обязательно звать меня профессором, ты ведь знаешь.

Блеснули белки закотившихся глаз Йоханны. Её подруга, тоненькая Алиса с двумя светлыми косичками, хмыкнула.

— Ну, хорошо, Торвальд, — Йоханна отодвинула от себя пустую тарелку, — А как нас расселят?

— Куда ты так спешишь?

— Вечер уже, — пискнула Алиса в ответ Торвальду. Потом, пока он ещё не успел разозлиться, продолжила торопливым и высоким голосом, — Нам нужно знать, где мы будем ночевать, и, вообще, все с рюкзаками до сих пор тащимся, у меня вот плечи уже отваливаются, и у Йоханны тоже, да, так же, Йоханна?

Торвальд готовился перебить тираду Алисы, нахмурился и открыл рот, но хозяйка дома снова вскочила с кровати, и ему пришлось замолчать.

— Да-да, девочка права! Прежде всего надо было вас расселить по домам. А я уже и забыть об этом успела, дурная голова! — легонько она стукнула себя по голове ребром ладони, как будто выбивала пыль из перины, — У нас есть два дома, где сейчас никто не живёт. А остальных раскидаем по семьям. Никто, уверяю, не будет против гостей, дружелюбнее наших людей найти трудно.

Йоханна уронила подбородок на две ладони, сложенные в лодочку. На голове у неё была вязаная шапка в фиолетовую и красную полоску, на глазах паучьими лапками дрожали длинные пучки ресниц. Чудная и красивая, с двадцатью или тридцатью тоненькими чёрными косичками, тугими, как жгуты.

— По сколько человек? — спросила она.

— Двое или трое.

Йоханна и Алиса переглянулись. Анника тоже инстинктивно нашла взгляд Уны, но не решилась улыбнуться ей или что-нибудь сказать. Она всё ещё была в обиде, наверное. Уна крутила в руке вилку и с улыбкой смотрела по-своему, по-лисьему.

— Можно подумать, мы не на практику приехали, а на курорт, — покачал головой Торвальд, лицо которого от раздражённо-красного уже успело вернуться в свой обычный цвет. Никто не умел злиться и успокаиваться так быстро, как он, — Где же ваш исследовательский дух, а? Жильё, ночёвка, жильё. А ни одного по-настоящему дельного вопроса не задали.

Он махнул рукой, разогнал вокруг себя гарь, пахнущую солёной едой.

— Валяйте, можете разбиваться по парам.

***

У дома рыбака плавала грязь мелководий и росла несвежая, какая-то болезненная в сумерках трава. Внутри стен пахло затхло и сыро, зато было пусто. Хозяин дома уехал на несколько недель в город, и можно было не тесниться в одной комнате с незнакомым человеком.

Уна с Йоханной чуть не сгрызли друг друга за эту несчастную развалину, потому что никто из них не хотел селиться к другой семье. Дошло до того, что Торвальд заставил их с помощью старой детской считалочки решать, кому достанется пустой дом. Победа была за Уной. Йоханна после этого вся побледнела, так сильно ей не хотелось жить с каким-то стариком

и его женой старухой, и сказала, что Уне больше ни одного слова не скажет. «Завтра она обо всём забудет, готова поспорить» - нараспев говорила Уна, когда они с Анникой, отдалившись от остальных студентов, подходили к порогу.

Безлюдье дома оставило за собой пушистую пыль на полках, и кто-то из них двоих смахнул её рукавом. Потом Уна разевала деревянные рты шкафов, смотрела, что прячется в кухонной утвари и корзинах, встряхивала одеяло. Анника в это время заглядывала в мешки, скопленные в углу и набитые то ли едой, то ли одеждой. Она приоткрыла один, итак развязанный. Там были красные и разбухшие от сока персики. Анника тронула плод, он оказался мягким и тёмным внутри, палец в него проваливался легко. Персик откатился в сторону, под ним темнело какое-то чёрное пятно. Она наклонилась, чтобы разглядеть получше, и пятно вдруг разбежалось в разные стороны, возмущённо жажужало сотнями мух.

В доме рыбака они видели и картины на стенах. Запертые в рамочках кувшины и цветы, любительские натюрморты, кривые апельсины с поплывшими тенями. Уна придумала, что жена рыбака была художницей, а он ездил в город, чтобы купить ей краски. История понравилась Аннике. Потом вместе они смотрели на люльку. Нежные кружева с голубыми горошинами, покачивающееся облако детского сна.

— Я не удивлюсь, если они уехали отсюда навсегда, а не на неделю, — не шутя, а она редко бывала серьёзной, сказала Уна, — Кто вообще захотел бы, чтобы его ребёнок рос в такой дыре?

Анника неопределённо пожала плечами.

Когда день вроде бы ещё не торопился уходить, но и не светил уже так ярко, они оказались на широком пороге дома, Минуты перед тем, как появится первая звезда, мазали небо несуществующим цветом, между розовым, голубым и серым.

Анника растегнула рюкзак и смотрела, что взяла с собой из еды. Ей не очень хотелось идти на ужин в соседские дома, хотя она знала, что некоторые из её одноклассников так и поступили, чтобы не тратить запасы зря. Здесь все были рады их накормить.

— Не обижаешься уже? — Уна придвинулась ближе, растянулась намертво налипшая улыбка на её лице.

— Не обижалась вроде.

— Да нет, врешь же.

Анника не ответила ей, развернула желтоватый бумажный пакет и посмотрела, что лежит внутри. Твёрдые, тяжело жующиеся хлебцы, все в семечках, ржаные и твёрдые; плавленый сыр, специально, чтобы мазать на хлебцы; половина плитки норвежского молочного шоколада; мягкие вафли, которые папа называл «сплошной химозой»; горстка фиников и орехов в отдельном пластиковом пакете. Анника поморщилась и захотела спросить прошлую себя, дурочку из походного автобуса, почему она не взяла нормальной сытной еды.

— Ты со мной с утра не общаешься, и за столом нарочно подальше села, — продолжала Уна.

Анника крутила пакет в руках, сжимала его хрустящее бумажное тело, опустив глаза, напряжённо крутила что-то в голове.

— Если дело в Бьёрн, давай поговорим, и ты больше не будешь отмалчиваться, как рыба. Мы, всё-таки, уже не в средней школе.

— Ты перегибаешь с ней, — заключила Анника, ничего взрослее в голову не приходило. Уна медленно кивнула, соглашаясь с ней не больше, чем на половину.

— Хорошо. Принято, Анника, — она немного отстранилась, откинулась назад, в положении лёжа облокачиваясь на локти. Само спокойствие мира с стрижкой чуть выше плеч и широкими мужскими джинсами.

— Слушай, я думала, что она умрёт.

— Не надо строить из меня убийцу, — Уна облизнула губы, закрыла глаза, — С Бьёрн ничего не случилось, так что тебе лучше выкинуть из головы всю ту чепуху, которую тебе подкидывает твоя встревоженная башка, и заняться чем-нибудь полезным. Бьёрн ходит, ест, как конь, расслабляется. Она забыла о том, что произошло, уже через час, потому что в голове у неё сено, а не мозги. Пока ты целый день горевала, как ей плохо, она чувствовала себя просто замечательно. Вот, что меня по-настоящему расстраивает.

К Ольдефьорду, ещё до той реки, путь шёл по узкой тропе вдоль крутого склона. Высокая Бьёрн, которую Бог сложил, как кривую ветку, плелась почти в самом конце. В шутку Уна то ли толкнула её ладонью в спину, то ли в подставила свою ногу под её неуклюжий шаг, но, чтобы это ни было, Бьёрн сбилась и покатила по насыпи вниз. Она успела придержаться за какое-то молодое дерево, почти вырвала его с корнем, но не упала, и спереди кто-то придержал её, чуть было не потащившись следом. Анника вдохнула, сжалось и похолодело горло, как будто её саму сейчас сбросят в обрыв. Бьёрн никому не жаловалась. Она вообще говорила так редко, что её голос Анника последний раз слышала год или два назад. Ходили какие-то сплетни, что она слабоумная, или что родители дали взятку, чтобы её не отчисляли. Вокруг Бьёрн вообще много чего ходило, витало целым роем, шутки и липкие выдумки с крыльями помойных мух.

— Ну? Соизволишь меня простить?

— Да, конечно, — машинально ответила Анника и рукой потерла дребезжащее дыханием горло.

Растёртые по воздуху сумерками, лица смазывались, и Анника с трудом могла прочитать нагнувшуюся к ней Уну. Она видела только, что к ней протянут примирительный мизинец.